

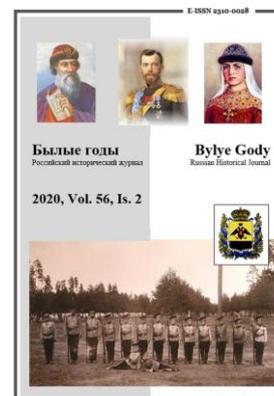
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 785-795. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.785
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Representation of Foreign Law and Legislation on the Pages of the "Journal of the Ministry of Justice" in 1894–1904

Inessa G. Adoneva ^{a, *}

^aNovosibirsk State Technical University, Russian Federation

Abstract

The article deals with specificity of representation of foreign law and legislation in the "Journal of the Ministry of Justice" of the turn of XIX–XX centuries. The reasons of attention of Russian specialists to foreign justice was the revision of Judicial statutes of Alexander the Second, an active foreign policy of the Russian Empire, the interaction of Russian lawyers with foreign colleagues and the common problem problems. Most of the authors served in the Ministry of justice, as well as engaged in research and teaching activities. Professional education, formed in the logic of the European conceptual and categorical apparatus, made Western realities understandable for Russian specialists. The generation of lawyers who were actively published in the departmental journal shared the ideas of the sociological school, which was based on the strong relationship between law and all other spheres of society. Their worldview was also influenced by the mass codification of European legislation. It is revealed that the most frequent appeal of Russian lawyers to the French legislation was caused by similar positions laid down by the Judicial statutes of 1864, and to the German – by serious economic ties between Russia and Germany. The specifics of the justice system in England provided few opportunities for borrowing, but it retained the honorary role of the founder of modern legal institutions. Russian lawyers described the legal realities of the East from the point of view of orientalism: for Japan, France and England played a civilizing role, and for China – Russia, which was positioned as a European state. The law was accepted as a tool to set society on the path of progress. At the same time, Russian lawyers agreed with their European colleagues in the need to make the legislation as clear as possible for the population.

Keywords: departmental periodicals, foreign legislation, lawyers, bureaucrats, professors, representation.

1. Введение

Рубеж XIX–XX вв. – один из наиболее дискуссионных периодов в истории Российской империи, предшествующий революционным потрясениям. Также это время социальной и экономической модернизации, культурных и научных достижений, споров по поводу путей развития страны и активной внешней политики. Изменения неизбежно затронули систему юстиции и юридическую науку. Распространение Судебных уставов на окраины империи и начало работы над их изменением, усложнение и интенсификация экономических процессов, растущие международные связи требовали от юристов серьезной работы и взаимодействия с иностранными коллегами (личного, так и посредством переписки); знакомства с их достижениями и зарубежным законодательством. Одним из проявлений деятельности российских правоведов стала публикационная активность на страницах ведомственного издания – «Журнала Министерства юстиции», где, помимо прочего, публиковались статьи, посвященные иностранному законодательству и судебной практике. Изучение данного аспекта расширит имеющиеся в науке представления относительно профессионального

* Corresponding author

E-mail addresses: adoinessa@yandex.ru (I.G. Adoneva)

мировоззрения юристов, позволит выявить влиявшие на него политические и культурные факторы, даст возможность понять роль зарубежного опыта как его важного элемента.

2. Материалы и методы

Источниковая база статьи включает в себя 178 текстов 35 авторов, опубликованных в «Журнале Министерства юстиции» в 1894–1904 гг. и посвященных зарубежному праву. Во-первых, это статьи, анализирующие систему юстиции, законодательство и судебную статистику европейских и восточных государств. Они были ориентированы на профессиональную аудиторию и включали в себя как теоретические материалы, так и практическое наблюдение в ходе командировок за функционированием иностранных систем отправления правосудия. Во-вторых, это обзоры иностранного законодательства, которые представляли собой качественно совершенно разные тексты: от краткой заметки до скрупулезного разбора новаций в правовой сфере.

Ценными источниками, где законодательство и правовая практика Англии и Франции анализируются иностранцами корреспондентами издания – адвокатами Шарлем Ламбером и Сесилем Мид Алленом, являются «Письма из Парижа» и «Письма из Англии». Данный сюжет уже рассмотрен в отдельной публикации и косвенно подтверждает вывод о том, что взаимное сотрудничество юристов из разных стран было вызвано, помимо прочего, сходством стоящих перед ними вопросов (Адоньева, 2019b: 146-150).

Кроме того, были привлечены учебники для юридических факультетов университетов и научно-публицистические труды, в которых затрагивались те или иные сюжеты, связанные с иностранной юстицией, главным образом европейской. Эти источники позволяют понять, какие идеи служили основой для оформления представлений юристов о правовой системе иностранных государств. Знакомство с этой темой обычно открывалось сочинением А.Д. Градовского «Государственное право важнейших европейских держав» и в дальнейшем дополнялось специализированными текстами, в том числе на иностранных языках.

Воспоминания юристов, в которых описывались события конца XIX – начала XX вв. и более раннего периода, позволили прийти к заключению о том, что взаимодействие с иностранной системой юстиции и образования было важным элементом профессиональной подготовки. Лекции в немецких университетах и Сорбонне, посещение судебных заседаний, общение с коллегами за рубежом неизбежно подталкивали правоведов к сопоставлению отечественного и зарубежного опыта, границ и возможностей его применения (Янжул, 2006).

Хронологические рамки включают в себя период с 1894 по 1904 г. В 1894 г. возобновилось издание «Журнала Министерства юстиции». Избрание 1904 г. в качестве верхней границы обусловлено тем, что произошедшие в ходе Первой русской революции политико-правовые изменения оказали серьезное влияние на профессиональную деятельность юристов, в том числе на ее научно-публицистическую составляющую. Поэтому изучение юридической периодики после 1904 г. целесообразнее проводить в рамках отдельного исследования.

Методологическим основанием настоящего исследования является история интеллектуальной культуры как анализ юридических идей и дискурсов в контексте рубежа XIX–XX вв. «Журнал Министерства юстиции» рассматривается как институт, поддерживающий интеллектуальную деятельность правоведов. Основным методом явился дискурсивный анализ в понимании Т. Ван Дейка, когда дискурс рассматривается как заверченный письменный вербальный продукт коммуникативного действия, а также его результат, который интерпретируется реципиентами. Кроме анализа текста, анализ дискурса предполагает описание социальных условий, предопределяющих порождение и восприятие текста. В этой связи имел значение метод интеллектуальной биографии как сочетания биографического, текстуального и социокультурного анализа, позволяющий понять мотивы обращения автора к представленной им проблематике и особенности ее репрезентации.

3. Обсуждение

Актуальную для данного исследования историографию проблемы можно условно разделить на три направления. Первое – включает в себя труды, связанные с репрезентациями в российской журнальной прессе правовых аспектов жизни европейских государств рубежа XIX–XX вв. Второе направление посвящено отечественной юридической периодике. Третье – представлено трудами, в которых исследуется судебная система Российской империи рассматриваемого периода и ее преобразование.

В науке заявленная проблематика напрямую не затрагивалась. Интерес для исследователей представлял опыт зарубежной юстиции, обсуждаемый в отечественной печати, на этапе подготовки и реализации судебной реформы (Адоньева, 2019a). Внимание к социально-политическим и экономическим процессам, протекавшим на рубеже XIX–XX вв. историки объясняли складыванием в Европе военно-политических блоков. В рамках этих процессов правительства посредством воздействия на население через периодическую печать стремились создать положительный образ стран-союзниц. Но сюжеты, связанные с репрезентациями зарубежной юстиции в российской прессе этого времени, не попадали в поле зрения ученых.

Исследования, посвященные дореволюционной юридической периодике, имеют или обзорный характер, или же предполагают раскрытие какого-либо частного вопроса (Усманова, Гильмутдинов, 2009; Маматов, 2010; Сальников, Щерова, 2017; Курас, 2012). Публикаций, в которых рассматриваются проблемы иностранного права на страницах общественно-политической и специализированной периодики изучаемого периода, выявить также не удалось.

Научное изучение российского правосудия рубежа XIX–XX вв. тесно связано с исследованием различных аспектов деятельности «муравьевской комиссии» (Краковский, 2018). Близкими к поставленной проблематике являются труды нижегородского юриста В.С. Сэруа, в которых внимание уделено контактам российских юристов – ученых и практиков – с зарубежными коллегами. Автор продемонстрировала взаимодействие Московского юридического общества с Берлинским международным обществом сравнительного правоведения и политэкономии, Немецким юридическим обществом, а также отметила роль русской группы Международного союза криминалистов, которая заключалась во «внедрении в отечественное законодательство лучших уголовно-правовых и процессуальных идей, реализованных в зарубежной практике» (Сэруа, 2015).

Таким образом, вопрос, касающийся особенностей репрезентации иностранного права в «Журнале Министерства юстиции» на рубеже XIX–XX вв. поставлен впервые.

4. Результаты

Возрождение ведомственного журнала произошло по инициативе Н.В. Муравьева практически сразу по его вступлению в должность министра юстиции в 1894 г. К этому времени в Российской империи существовали авторитетные печатные издания, связанные прежде всего с юридическими обществами при университетах. При этом Н.В. Муравьев, имевший опыт работы в периодике, осознавал потребность в ведомственном журнале, где смогут обмениваться профессиональными мнениями лица, служившие по линии Министерства юстиции. Тем более это было актуальным в связи с начавшейся масштабной работой по пересмотру Судебных уставов 1864 г. За время, прошедшее с осуществления реформы, юриспруденция в Российской империи успела приобрести популярность среди интеллектуалов, а также лиц, стремившихся получить образование усилиями, сравнительно меньшими, чем это требовал, например, историко-филологический факультет (Голицын, 2007). Таким образом, к 1890-м годам юристы уже представляли собой высокопрофессиональное сообщество, а юридическую профессию и чиновников высоких рангов Министерства юстиции вполне справедливо можно отнести к интеллектуальной элите.

Интерес авторов журнала к иностранной юстиции вполне сопоставим с популярностью, какой пользовалось право европейских стран, прежде всего Англии и Франции, в общественно-политической и ведомственной периодике в 1856–1864 гг., на этапе обсуждения судебной реформы. В то время отправление правосудия в Российской империи требовало серьезного преобразования, и обращение к удачным европейским моделям было объяснимо. Спустя более чем 30 лет были очевидны все достоинства и недостатки судебной реформы, шла ее поэтапная корректировка. Российские юристы, имевшие высокий уровень квалификации и признанные в европейском и американском профессиональных кругах, не нуждались, казалось бы, в опыте зарубежных коллег. Однако развитие буржуазного общества породило проблемы и вопросы, общие для правоведов из разных стран. Научная и практическая юриспруденция стремилась их разрешить, что и стало причиной внимания отечественных специалистов к иностранной юстиции. Это сочеталось с утверждением в науке социологической школы права, которая исходила из тесной связи правовых явлений со всеми сферами жизни общества, а также попытками разной степени успешности реализовать ее положения (особенно в части поиска причин преступности и предотвращения правонарушений).

Большинство авторов, обратившихся к иностранной юстиции, были 1860–1870-х годов рождения и являлись выпускниками юридических факультетов столичных и провинциальных университетов, Училища правоведения, Ярославского Демидовского лицея и Александровской военно-юридической академии. Основной их занятостью была служба по линии Министерства юстиции, однако многие из них совмещали ее с научной педагогической деятельностью. Адвокаты также имели возможность печататься в «Журнале министерства юстиции». Обращаясь к зарубежным правовым реалиям, юристы не были склонны их идеализировать, как это делали их предшественники в 1850–1860-е гг. Они профессионально сформировались в условиях действующих Судебных уставов, поэтому контраст между российской системой юстиции и зарубежной для них отсутствовал. Многие из авторов, будучи в служебных поездках или продолжая образование в Англии, Германии, Франции и Швейцарии, имели возможность на практике изучить интересующие их вопросы. Серьезное влияние на них оказала и массовая кодификация законодательства в европейских странах в конце XIX – начале XX вв. Новым также было и то, что юристов интересовало не только европейское правосудие и законодательство, но и восточные правовые сюжеты, с которыми они также познакомили читателей. Государства, к которым обращались авторы «Журнала Министерства юстиции», а также количество статей, посвященное каждому из них, представлено в [Таблице 1](#). Здесь учитывались как статьи, так и обзоры иностранного законодательства.

Таблица 1. Государства, правовые системы и законодательство которых были представлены в «Журнале Министерства юстиции» в 1894–1904 гг.

№	Страна	Количество статей (в относительных величинах)
1	Франция	33 %
2	Германия	19,7 %
3	Австро-Венгрия	13,8 %
4	Великобритания	9,2 %
5	Дания	4,6 %
6	Швейцария	4 %
7	Бельгия	4 %
8	Швеция	3 %
9	Китай	2 %
10	Италия	1,3 %
11	Норвегия	1,3 %
12	Португалия	0,65 %
13	США	0,65 %
14	Алжир	0,65 %
15	Япония	0,65 %

Максимальное влияние к французской юстиции являлось следствием того, что именно она стала основным образцом при проведении судебной реформы 1864 г. Сходство стало одним из мотивов общения с иностранными коллегами и обращения к законодательным новеллам. Показательным здесь явилось восприятие официальным печатным органом Министерства юстиции официального утверждения во Франции женской адвокатуры. Данный вопрос в это время был актуальным и для Российской империи (Крестьянников, 2020). В журнале закон 1 декабря 1900 г. был принят максимально тепло. Автор передал основное содержание дискуссии в Сенате, посвященной традиционной роли женщины и неизбежным тенденциям социального развития. Успешное прохождение законопроекта имело значение с точки зрения и его необходимости, и возможности продемонстрировать один из вариантов профессиональных контактов: «Когда Сенат приступил к голосованию проекта, то оказалось, что из 206 голосов за проект подано 172, против – 34. 1 декабря минувшего года закон был подписан президентом республики, а через несколько часов по его опубликовании m-me Petit (русская по происхождению, дочь киевского сахарозаводчика Г.Г. Болоховского), в профессиональном костюме, уже приносила присягу перед Первой палатой Парижского суда как первая женщина-адвокат во Франции. Через несколько дней такую же присягу принесла и доктор прав Парижского университета m-lle Jeanne Chauvin, которой принадлежит инициатива возбуждения вопроса о женской адвокатуры. Ей довелось уже дебютировать в Парижском суде по делу о железнодорожных служащих, обвиняемых в катастрофе в Шуази Леруа. Г-жа Шовен защищала стрелочника и, несмотря на естественные робость и смущение, говорила настолько убедительно, что выиграла свой первый процесс» (Н.Ш., 1901: 309-310). Здесь сочетались как признание права женщины на участие в отправлении правосудия, так и традиционный взгляд на ее «добродетели», среди которых скромность и сдержанность занимали не последнее место.

Отношение к законодательной практике стало более критичным, на что влияли и новые течения в социальной жизни. Профессор гражданского права А.И. Загоровский при обсуждении статуса внебрачных детей, прямо писал: «Право признания своих незаконных детей должно быть прямо и определенно высказано как важнейший, справедливейший и надежнейший способ установления сыновства. Это право должно быть распространено на всех незаконнорожденных, в том числе произошедших от прелюбодеяния. Романские законодательства и их юристы думают, что такое признание оскорбляет общественную нравственность. Но еще большим нарушением общественной морали надо признать оставление таких детей без призрения, на произвол судьбы» (Загоровский, 1898: 41). Французское законодательство было интересно отечественным юристам, прежде всего, его социальной составляющей: брак и семья, дети, трудовое право пользовались неизменным вниманием российских правоведов. При этом отношение к французской адвокатуры осталось таким же негативным, как и полстолетия назад: ее также упрекали в жесткой дифференциации, жажде наживы и закрытости.

Известный криминолог Д.А. Дриль обратился к общей для России и Франции проблеме уголовной ссылки. В конце XIX в. в России достигла пика дискуссия, посвященная отмене уголовной ссылки в Сибирь. Доводы, которые приводил юрист относительно французской практики, были аналогичны положениям, к которым прибегали в рамках аргументации необходимости прекращения принудительного переселения преступников на восточные окраины Российской империи: «С внешней

стороны ссылка в Новую Каледонию представляется сравнительно упорядоченной. Крепкая рука тюремной администрации вполне подчиняет себе как заключенных, так и освобожденных, создавая для последних положение пожизненно полусвободных людей. Но достигается это упорядочение почти исключительно путем применения крайне суровых мер укрощения и стеснения, а не тем исправлением ссыльных, на которое рассчитывали при введении ссылки и которое необходимо для сколько-нибудь правильной и прочной колонии. Французская ссылка, конечно, избавляет метрополию от ее наиболее опасных элементов, но в то же время, не обезвреживая их, она только концентрирует их в новом месте – в колонии, будущность которой вследствие того представляется весьма сомнительной» (Дриль, 1897: 40-41; Хламова, 2010). Здесь Дриль не только подчеркнул свою убежденность в возможности исправления преступников, но и продемонстрировал сходство проблем, с которыми столкнулись Третья республика и Российская империя.

Успешному опыту французской кодификации была посвящена статья чиновника гражданского кассационного департамента Сената К.П. Змирлова «Первые четыре книги *Code de Procedure Civile* по проекту 1894 г.», которая была подготовлена в связи с работой комиссии по пересмотру Судебных уставов. Полная переработка гражданско-процессуального кодекса была признана удачной и достойной стать образцом для подражания, поскольку динамика социальной жизни уже не допускала «частичных поправок и отрывочных изменений» (Змирлов, 1895: 52). Здесь опять же отмечался факт общности стоявших перед юристами проблем: «Цель французского проекта в сущности та же, что должны преследовать и мы – это упростить по возможности формы гражданского процесса, сделать суд более доступным для населения, менее дорогим и более скорым» (Змирлов, 1895: 52).

В отношениях России и Австро-Венгрии конца XIX века ключевым фактором являлось влияние на Балканы. Перманентное присутствие данного вопроса в общественно-политической повестке обусловило и профессиональное внимание юристов к законодательной практике «лоскутной империи». Свою роль сыграло и то, что Австро-Венгрия и Россия столкнулись на рубеже веков со сходными проблемами и необходимостью решать одновременно национальные, социальные и правовые вопросы. В связи с этим несколько неожиданной явилась публикация на страницах ведомственного издания перевода труда австрийского юриста А. Менгера, магистральным направлением научной деятельности которого была разработка идеи социалистического государства, получившая скептическую оценку как со стороны консерваторов, так, в дальнейшем, и советских правоведов. Представляется, что в «Журнале Министерства юстиции» статья Менгера преследовала цель не только познакомить профессиональное сообщество с особенностями кодификационной работы в Австро-Венгрии, но и косвенно указать на проблемы, имевшиеся в Российской империи. Трудности, связанные с недостаточным финансированием судебной системы и правовой безграмотностью населения, постоянно обсуждались в юридической и общественно-политической печати. Австрийский юрист считал нужным подчеркнуть расширение полномочий судьи в гражданском процессе, связанное с тем, что услуги представителей для большинства населения являются недоступными из-за их высокой стоимости. Он отмечал, что ключевой принцип – «незнание закона не освобождает от ответственности» – применим только к образованным и финансово состоятельным лицам, в то время как законодательство развивается по пути усложнения. Поэтому возможность со стороны судьи собирать доказательства представлялась автору серьезным шагом вперед в деле доступности правосудия (Менгер, 1895).

Если ранее с профессиональной точки зрения юристы уделяли пристальное внимание Англии практически наравне с Францией, то с конца XIX в. юстиция Туманного Альбиона вытесняется правом Германской империи, главным образом гражданским. Само по себе тесное взаимодействие стран было обусловлено давними династическими и родственными связями правящих домов. Е.А. Пахомова отметила, что Германская империя была основным партнером России во внешней торговле (Пахомова, 2012: 11). Интенсивное экономическое сотрудничество стало причиной, по которой отечественные правоведы проявляли интерес к Германии. В течение 1896 г. дважды публиковались статьи, посвященные обсуждению нового Уголовного кодекса, а в дальнейшем печатались тексты, связанные с гражданским правом. Для юристов было очевидным, что развитие промышленности и торговли влечет за собой и изменения в их регулировании, однако специалисты находили их порой поспешными. С одной стороны, норма о признании в Германской империи судебных решений государств, с которыми заключено соответствующее соглашение, соответствовало уровню развития международных отношений. С другой стороны, ряд норм, которые являлись новеллами и не имели основы или аналогов в национальном или иностранном законодательстве, вызывали у критиков вполне резонное сомнение в их дальнейшей реализации (И.Г., 1898). Было отмечено сохранение вмешательства государства в частную жизнь: запрещение вступления в брак с лицом, прелюбодеяние с которым стало причиной расторжения предшествующего брака. Образцовым российские юристы признали германский закон об авторском праве. Он имел актуальность и в связи с растущим объемом переводной литературы и возможностями воспроизводства визуальных и музыкальных произведений и получил самые лестные отзывы в российском журнале: «Он является образцом законодательной техники и умелого сочетания покровительства интересам автора с охранением интересов общественного просвещения» (Закон

19 июня 1901 г., 1902). Данный закон был также серьезным достижением в связи с международно-правовым сотрудничеством: в течение трех десятилетий перед его принятием европейские и российские юристы стремились найти ответ на вопрос о вкладе и вознаграждении переводчиков, о доходах с продажи литературного произведения или воспроизводства музыкального в государствах, которые не являлись родиной автора. На тот момент немецкие юристы поставили и разрешили множество вопросов, чем и заслужили положительные оценки со стороны российских коллег.

Падение интереса к Англии со стороны юристов произошло, вероятнее всего, по причине того, что она, в силу специфики организации юстиции и значения прецедентного права, оказалась вне европейской тенденции к кодификации. Внимания со стороны русских правоведов заслуживали отдельные законодательные акты. Англия признавалась родоначальницей всех современных юридических институтов (С.Г., 1896; Леонтьев, 1899). Но существенные отличия в политико-правовой сфере делали британскую юстицию и политический строй предметом идеализации со стороны либерально ориентированных юристов, а с другой – начинали становиться препятствием в части сотрудничества и взаимного использования опыта (Дерюжинский, 1895).

В процентном соотношении внимание авторов «Журнала Министерства юстиции» к скандинавским странам, Бельгии и Швейцарии сравнительно невелико: от 4,6 % статей, посвященных датской юстиции до 1,3 % текстов, связанных с правовой сферой Нидерландов. Законодательство этих стран представлялось русским юристам более продуманным и соответствующим потребностям развития общества, чем английское или французское. Будущий министр юстиции Российской империи И.Г. Щегловитов сочетал в своем сознании радикально правомонархические взгляды и вполне прогрессивные правовые идеи, однако при изложении профессиональных взглядов не допускал влияния политических. Это наглядно проявилось в его статье, посвященной участию адвоката на стадии досудебного следствия. Автор отметил, что данная норма появилась в законодательстве почти всех европейских стран. Бельгийский законопроект был оценен юристом как один из последних шагов на пути преодоления норм инквизиционного процесса и достижения полноценной состязательности. При этом Щегловитов считал необходимым продемонстрировать тонкость грани между соблюдением прав подсудимого и интересами правосудия: «Ограничения состязательности на предварительном следствии являются, по нашему мнению, безусловно необходимыми, в особенности в отношении права сторон присутствовать при допросе свидетелей. На практике вполне возможны случаи, когда перекрестный допрос опытными представителями сторон может затруднить следственной власти получение искренних показаний от весьма важного свидетеля. Затем, как нам кажется, нельзя лишать судебную власть права устранять обвиняемого и его защитника от участия на предварительном следствии в качестве стороны, когда эта мера вызывается требованиями правосудия. Конечно, применение данных ограничений должно быть обставлено строгим судебным контролем» (Щегловитов, 1901: 276-277). Датский корреспондент «Журнала Министерства юстиции» А. Гоос в течение нескольких лет сообщал российским коллегам о законодательной практике своей страны. Помимо содержательной стороны, внимания заслуживала и реализация законов: «Настоящий закон представляет собою только с некоторыми изменениями и дополнениями возобновление закона 20 апреля 1888 г. того же содержания. Согласно § 11 последнего, его действие заканчивается 1 апреля 1895 г. Назначая срок для действия закона, желали узнать по опыту, каковы будут его результаты по прошествии нескольких лет. Поэтому возобновление закона есть лучшее доказательство его полезности» (Гоос, 1897: 300-303). С точки зрения российских юристов, служивших по линии Министерства юстиции, такая практика была однозначно полезной, но не всегда выполнимой в масштабе Российской империи: обширность территории и, соответственно, объем информации, которую необходимо проанализировать, не сопоставимы в сравнении с Данией или даже Норвегией. Поэтому, признавая успешным опыт скандинавских стран, русские правоведы не всегда находили его реализуемым в своей стране.

Отдельный интерес представляет сюжет, который был новым для профессиональной юридической периодики: системы юстиции восточных стран, в частности Японии и Китая. Это было напрямую связано с проводимой русским правительством политикой расширения влияния на Востоке, проявлением чего стало строительство Маньчжурской железной дороги и учреждение Квантунской области – южной оконечности Ляодунского полуострова, арендованной у Китая на 25 лет, где было установлено русское гражданское управление. Кроме того, стремительное усиление Японии заставляло русских интеллектуалов обратить внимание на эту страну. Рефлексию отечественных юристов в связи с правом этих государств можно рассматривать как иллюстрацию ориенталистского типа мышления: если европейские системы юстиции воспринимались как реальные и гипотетические образцы, то в отношении восточных ярко проявились способы описания и стиль подчинения, демонстрирующие превосходство Запада (Чач, 2010).

Япония в этом ключе рассматривалась как «образцовая ученица» Европы. Такой позиции придерживались и японские сановники. В 1885 г. в Петербурге по инициативе посланника была издана переводная книга «Очерки истории японского уголовного права и судопроизводства», где прогресс в отправлении правосудия напрямую связывался с западным влиянием (Очерки..., 1885). Близко контактирующий с этой страной представитель Министерства юстиции в своих рассуждениях

продемонстрировал данную установку и однозначно определил место Российской империи в мире: «Японский народ является на Дальнем Востоке нашим равноправным соседом. С отменой в стране Восходящего солнца юрисдикции европейских консулов японские суды одинаково с нашими рассматривают подсудные им дела, невзирая на национальность участвующих лиц. Торговые и иные сношения с Японией постоянно растут. Как ближайшим соседям японцев и ближайшим к ним представителям Европы, нам особенно важно поддерживать в их глазах те начала права и нравственности, ради которых современная Япония приобщилась к европейской культуре, ввела у себя судоустройство по европейскому образцу и даже применяет составленные европейцами кодексы» (А.Л., 1901). Известный специалист в области уголовного права В.Н. Ширяев придерживался характерной для большинства юристов позиции, которые видели успех развития сферы юстиции в балансе между идущим в ногу со временем законодательством и обычным правом: «В необыкновенно короткий срок японцы усвоили себе не только внешний облик европейцев, но и постарались перенести на свою далекую родину тот строй и порядки, которые до сих пор составляли удел лишь наиболее культурных и цивилизованных стран. Надо заметить при этом, что все эти заимствования и подражания делаются весьма умело; охотно устанавливая у себя европейские порядки, японцы в то же время весьма бережно и осторожно относятся к тем сторонам своего родного быта, которые являются для них твердой опорой и залогом дальнейшего прогресса» (Ширяев, 1901: 60). Юрист отметил, что сохранение традиционных черт законодательства было вызвано острой общественной реакцией: введение уголовного кодекса в 1882 г. сопровождалось волнениями, которые заставили власть сохранить действие наиболее влиятельных норм права. В.Н. Ширяев также упомянул то, что раньше на японское законодательство имело большое влияние французское, а затем оно стало вытесняться английским. Данное наблюдение иллюстрировало не только изменение в мировоззрении японской политической элиты, но и серьезную смену внешнеполитических приоритетов страны, которая завершилась заключением в 1902 г. соглашения между Великобританией и страной Восходящего солнца. Так или иначе, несмотря на подчеркивание удачного синтеза в Японии правовых обычаев и новелл, а также близости законодательства к жизни людей, русские юристы находились на позиции приоритета европейской юриспруденции. Наиболее ярко это продемонстрировали тексты, посвященные функционированию русского суда на Квантуне. Б.И. Околович – прокурор Порт-Артурского окружного суда – описывал деятельность своих коллег в рамках противопоставления Запада и Востока, причем России в этой ситуации отводилась роль цивилизующего Запада: «На небольшом клочке земли, затерянном среди необъятного Востока, горсть русских людей поставила себе цель насаждать русскую культуру среди иноплемennого народа, столь упрямого в своем многовековом консерватизме» (Околович, 1904: 271). Тяжело достижимая цель была оправдана, по мнению юриста, положительными последствиями в будущем: «Суд – одно из тех государственных учреждений, которому более всего присуща культурная миссия. При посредничестве суда, хотя медленно, но неуклонно, проникают в народную жизнь такие понятия, как законность, уважение к личности человека, равенство всех перед законом» (Околович, 1904: 271). Примерно такими же соображениями руководствовались отечественные юристы, настаивая на распространении судебной реформы на окраины страны: суд «скорый, правый и милостивый», особенно с участием присяжных, должен был оказать воспитательное воздействие на население, привить ему чувства законности, личной и взаимной ответственности. Б.И. Околович подчеркивал контраст между Западом и Востоком через описание китайского права, с которым пришлось столкнуться русским юристам: «Не говоря о полном смешении администрации и суда, в китайском законодательстве не проведен даже принцип разграничения предметов гражданского и уголовного права. Всякое гражданское дело может, по произволу судьи, превратиться в уголовное. Пытка как средство исторжения сознания занимает одинаковое место в гражданских и уголовных делах. Хотя дозволенными родами пытки закон считает колодки для сжимания пальцев и битье бамбуками, но обычаем выработал много других варварских способов, как скручивание ушей, поджаривание на огне, пускание дыма в ноздри. Жалобы на решения уездных и областных судей, хотя и доносятся в Пекинский уголовный приказ, но на практике редко достигают цели, т.к. в большинстве случаев дело поручается для пересмотра тому же судье; кроме того, обжалование в высший суд доступно для лиц лишь состоятельных, т.к. мандарины и состоящие при них чиновники принимают все меры к тому, чтобы взыскать в свою пользу с тяжущихся как можно больше поборов» (Околович, 1904: 272). Акцент на «доисторичности» китайской юстиции сделан не только с помощью описания произвола власти и жестокости уголовного права, свойственного Средневековью, но и путем привлечения понятий из российского прошлого. Судопроизводство в приказах допетровской Руси характеризовалось историками и юристами второй половины XIX – начала XX вв. однозначно отрицательно: красочно изображались коррупция, волокита, некомпетентность судей и изворотливость дьяков. Известный российский синолог П.С. Попов, который был ориентирован на ознакомление читателей с особенностями государственности Поднебесной, переводил название суда последней инстанции в Китае как «Министерство уголовных дел» или использовал английское понятие «Board of Punishment» (Попов, 1903: 24). Околовичу важно было отметить, что столкновение с судом в любом качестве рядовой китаец полагает большим несчастьем, а широкие полномочия

главы семьи предоставляют возможность для разрешения многих дел домашним порядком. Поэтому автор подчеркивал основную сложность, с которой столкнулись русские юристы: недоверие китайцев к суду, а также к европейцам и изменениям вообще. Однако юрист полагал, что внедрение в Китае образцовой в его понимании системы юстиции необходимо в связи с изменениями в системе международных отношений: «Центр мировых событий все больше продвигается к Востоку» (Околович, 1904: 305).

5. Заключение

На рубеже XIX–XX вв. юриспруденция достигла в Российской империи высокого уровня развития. Юристы при этом сохраняли связь как с русскими интеллектуалами, к кругу которых принадлежали, так и со своими европейскими коллегами. Это оказало влияние на восприятие иностранного права и законодательства. По сравнению с эпохой Великих реформ отношение к правовым системам и законодательству западных стран стало более сдержанным. Но при этом с точки зрения организации и функционирования судебной власти юристы в официальном издании Министерства юстиции рассматривали Россию как европейскую страну. Именно поэтому, обращаясь к достоинствам и недостаткам правовых традиций и новаций Франции, Англии, Германии или Австро-Венгрии, российские специалисты рассматривали их с точки зрения возможности применения в своей практике. Развитие экономики и возрастающая мобильность населения, общие процессы модернизации и эмансипации подталкивали юристов к сотрудничеству и взаимодействию, что выразилось и в тиражировании актуальной информации посредством ведомственного издания. Одновременно с этим российские правоведы «открыли» для себя Восток. Если российской культурой рассматриваемого периода этот регион воспринимался в красочном и романтизированном ключе, то для чиновников Министерства юстиции он представлялся полем для обширной деятельности по приобщению местного населения через правильно организованный суд к европейским ценностям. Разное отношение к зарубежному опыту было следствием сочетания европейски ориентированного профессионального мировоззрения юристов, для которого западный мир был понятен и близок, и стремлением Российской империи расширить влияние на Дальнем Востоке, где русские специалисты встретились с ранее им неизвестными явлениями и фактами.

Литература

- А.Д., 1901 – А.Д. О суде на Квантуне // Журнал Министерства юстиции (далее – ЖМЮ). 1901. № 10. С. 216–224.
- Адоньева, 2019а – Адоньева И.Г. Дискуссия о европейском опыте при обсуждении судебной реформы в русской журнальной периодике (1857–1864) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2019. № 6. С. 18–29.
- Адоньева, 2019б – Адоньева И.Г. Судебная и парламентская хроника европейских государств как элемент правового дискурса русской журнальной прессы на рубеже XIX–XX вв. / Коммуникативная культура: история и современность: Материалы IX Международной научно-практической конференции. 1 ноября 2019. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. 278 с. С. 146–150.
- Голицын, 2007 – Голицын М.В. Мои воспоминания. 1873–1917. М.: Русский мир, 2007. 768 с.
- Гоос, 1897 – Гоос А. Датский закон (1 марта 1895 г.) о надзоре за лицами, принимающими на попечение чужих детей // ЖМЮ. 1897. № 8. С. 300–303.
- Дерюжинский, 1895 – Дерюжинский В.Ф. Habeas corpus акт и его приостановка по английскому праву. Юрьев: Типография Г. Лакмана, 1895. 392 с.
- Дриль, 1897 – Дриль Д.А. Французская ссылка в Новую Каледонию // ЖМЮ. 1897. № 2. С. 1–43.
- Загоровский, 1898 – Загоровский А.И. О незаконнорожденных по иностранным гражданским кодексам и по русскому гражданскому праву // ЖМЮ. 1898. № 5. С. 40–45.
- Закон 19 июня, 1902 – Закон 19 июня 1901 г. об авторском праве на музыкальные и литературные произведения // ЖМЮ. 1902. № 3. С. 311–323.
- Змирлов, 1895 – Змирлов К.П. Первые четыре книги *Code de Procedure Civile* по проекту 1894 г. // ЖМЮ. 1895. № 7. С. 52–96.
- И.Г., 1898 – И.Г. Реформа германского устава гражданского судопроизводства // ЖМЮ. 1898. № 7. С. 286–304.
- Краковский, 2018 – Краковский К.П. Незавершенная судебная контрреформа: Муравьевская комиссия (1894–1899 гг.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 4. С. 19–28.
- Крестьянников, 2020 – Крестьянников Е.А. Женская адвокатура в дореволюционной России: сибирский «след» // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 63. С. 38–47.
- Курас, 2012 – Курас С.Л. Судебная практика железнодорожных дел на страницах «Журнала Министерства юстиции» // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2012. С. 133–136.
- Леонтьев, 1899 – Леонтьев А.А. Гражданский суд в Англии и его особенности // ЖМЮ. 1899. № 9. С. 43–85.
- Маматов, 2010 – Маматов М.В. О ведомственных СМИ в царской прокуратуре // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 10. С. 102–107.

- Менгер, 1895** – Менгер А. Проект нового устава австрийского гражданского судопроизводства // *ЖМЮ*. 1895. № 8. С. 55-93.
- Н.Ш., 1901** – Н.Ш. Французский закон 1 декабря 1900 г. о разрешении женщинам, имеющим дипломы лицензиата прав, заниматься адвокатурой // *ЖМЮ*. 1901. № 3. С. 297-310.
- Околович, 1901** – Околович Б.И. Первый год русской юстиции на Квантуне // *Журнал Министерства юстиции*. 1901. № 4. С. 271-306.
- Очерки..., 1885** – Очерки истории японского уголовного права и судопроизводства. СПб.: Типография А.М. Вольфа, 1885. 42 с.
- Пахомова, 2012** – Пахомова Е.А. Особенности российско-германской торговли на рубеже XIX–XX вв. // *Приволжский научный вестник*. 2012. № 9. С. 10-13.
- Попов, 1903** – Попов П.С. Государственный строй Китая и органы его управления. СПб.: Типо-литография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1903. 57 с.
- С.Г., 1896** – С.Г. Проект закона о допросе обвиняемого // *ЖМЮ*. 1896. № 5. С. 290-294.
- Сальников, Щерова, 2017** – Сальников М.В., Щерова Н.С. Теоретические вопросы юридической науки в специализированной периодике второй половины XIX в. // *Юридическая наука: история и современность*. 2017. № 8. С. 18-61.
- Сэруа, 2015** – Сэруа В.С. К вопросу о межинституциональном взаимодействии в системе организации науки в России середины XIX – начала XX вв. // *Приволжский научный вестник*. 2015. № 3–2 (43). С. 30-33.
- Хламова, 2010** – Хламова А.М. Уголовная ссылка в Сибирь в материалах официального делопроизводства высшей сибирской администрации во второй половине XIX в. // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2010. Т. 9. № 1. С. 246-250.
- Усманова, Гильмутдинов, 2009** – Усманова Д.М., Гильмутдинов Д.В. Юридическая периодическая печать в дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2009. Т. 151. № 5–2. С. 184-190.
- Чач, 2010** – Чач Е.А. Ориентальный контекст Серебряного века // *Омский научный вестник*. 2010. № 1 (85) (Общество. История. Современность). С. 59-62.
- Щегловитов, 1901** – Щегловитов И. Бельгийский законопроект о состязательности на предварительном следствии // *ЖМЮ*. 1901. № 7. С. 271-278.
- Ширяев, 1901** – Ширяев В.Н. Уголовное законодательство Японии // *ЖМЮ*. 1901. № 3. С. 60-100.
- Янжул, 2006** – Янжул И.И. Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. М.: ГПИБ России, 2006. 459 с.

References

- A.D., 1901** – A.D. (1901). O sude na Kvantune [About the court on Kwantung]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 10. Pp. 216-224. [in Russian]
- Adoneva, 2019a** – Adoneva I.G. (2019). [The Discussion about the European Experience in Deliberation Judicial Reform in the Russian Magazines (1857–1864)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 18, no. 6: Journalism, Pp. 18-29. [in Russian]
- Adoneva, 2019b** – Adoneva I.G. (2019). Sudebnaya i parlamentskaya hronika evropejskih gosudarstv kak element pravovogo diskursa russkoj zhurnal'noj pressy na rubezhe XIX-XX vv. [Judicial and parliamentary chronicle of European States as an element of legal discourse of the Russian magazine press at the turn of the XIX-XX centuries]: *Kommunikativnaya kul'tura: istoriya i sovremennost': Materialy IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 1 noyabrya 2019*. Novosibirsk: IPTs NGU. 278 p. Pp. 146-150. [in Russian]
- Ocherki..., 1885** – Ocherki istorii yaponskogo ugolovnogogo prava i sudoproizvodstva [Essays on the history of japanese criminal law and legal proceedings]. Saint-Petersburg. 1885. 42 p. [in Russian]
- Chach, 2010** – Chach E.A. (2010). Oriental'nyj kontekst Serebryanogo veka [Oriental context of the Silver age]. *Omskiy Nauchnyy Vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. № 1 (85). Pp. 59-62. [in Russian]
- Golitsyn, 2007** – Golitsyn M.V. (2007). Moi vospominaniya. 1873–1917 [My memories. 1873–1917]. Moscow. 768 p. [in Russian]
- Goos, 1897** – Goos A. (1897). Datskij zakon (1 marta 1895 g.) o nadzore za licami, primimayushchimi na popechenie chuzhikh detej [Danish law (1 March 1895) on supervision of persons who take care of other people's children]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 8. Pp. 300-303. [in Russian]
- Deryuzhinskij, 1895** – Deryuzhinskij V.F. (1895). Habeas corpus akt i ego priostanovka po anglijskomu pravu [Habeas corpus act and its suspension under English law]. Yuriev. 392 p. [in Russian]
- Dril', 1897** – Dril' D.A. (1897). Francuzskaya ssylka v Novuyu Kaledoniyu [French exile to New Caledonia]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 2. Pp. 1-43. [in Russian]

- I.G., 1898 – I.G. (1898). Reforma germanskogo ustava grazhdanskogo sudoproizvodstva [Reform of the German civil procedure Statute]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 7. Pp. 286-304. [in Russian]
- Khlamova, 2010 – Khlamova A.M. (2010). Ugolovnaya ssylka v Sibir' v materialah oficial'nogo deloproizvodstva vysshej sibirskoj administracii vo vtoroj polovine XIX v. [The criminal exile of Siberia in the official office work materials of supreme Siberian administration in the second half of the XIX century]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 9, Is. 1. Pp. 246-250. [in Russian]
- Krakovskiy, 2018 – Krakovskiy K.P. (2018). Nezavershennaya sudebnaya kontrreforma: murav'evskaya komissiya [The incomplete judicial counter-reform Murav'ev commission (1894 – 1899)]. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik*. № 4. Pp. 19-28. [in Russian]
- Krest'yannikov, 2020 – Krest'yannikov E.A. (2020). Zhenskaya advokatura v dorevolucionnoj Rossii: sibirskij «sled» [Female legal profession in prerevolutionary Russia: Siberian “trace”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 63.Pp. 38-47. [in Russian]
- Kuras, 2012 – Kuras S.L. (2012). Sudebnaya praktika zheleznodorozhnyh del na stranicah «Zhurnal Ministerstva yustitsii» [Judicial practice of railway cases on the pages of the “*Journal of the Ministry of Justice*”]. *Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik*. Pp. 133-136. [in Russian]
- Leont'ev, 1899 – Leont'ev A.A. (1899). Grazhdanskij sud v Anglii i ego osobennosti [Civil court in England and its features]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 9. Pp. 43-85. [in Russian]
- Mamatov, 2010 – Mamatov M.V. (2010) O vedomstvennyh SMI v carskoj prokurature [About departmental media in the tsarist Prosecutor 's office]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. № 10. Pp. 102-107. [in Russian]
- Menger, 1895 – Menger A. (1895). Proekt novogo ustava avstrijskogo grazhdanskogo sudoproizvodstva [Draft of the new Statute of the Austrian civil procedure]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 8. Pp. 55-93. [in Russian]
- N.Sh., 1901 – N.Sh. (1901). Francuzskij zakon 1 dekabrya 1900 g. o razreshenii zhenshchinam, imeyushchim diplomy licenziata prav, zanimat'sya advokaturoyu [French law of December 1, 1900 on allowing women who have degrees as licensees of rights to practice law]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 3. Pp. 297-310. [in Russian]
- Okolovich, 1901 – Okolovich B.I. (1901). Pervyj god russkoj yusticii na Kvantune [The first year of Russian justice on Kwantung]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 4. Pp. 271-306. [in Russian]
- Pahomova, 2012 – Pahomova E.A. (2012). Osobennosti rossijsko-germanskogo torgovli na rubezhe XIX-XX vv. [Features of Russian -German trade at the turn of the XIX-XX centuries]. *Privolzhskij nauchnyj vestnik*. № 9. Pp. 10-13. [in Russian]
- Popov, 1903 – Popov P.S. (1903). Gosudarstvennyj stroj Kitaya i organy ego upravleniya [China's state system and its structure]. Saint-Petersburg. 57 p. [in Russian]
- Sal'nikov, Shcherova, 2017 – Sal'nikov M.V., Shcherova N.S. (2017) Teoreticheskie voprosy yuridicheskoy nauki v specializirovannoj periodike vtoroj poloviny XIX v. [Theoretical issues of legal science in specialized periodicals of the second half of the XIX century]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. № 8. Pp. 18-61. [in Russian]
- Serua, 2015 – Serua V.S. (2015). K voprosu o mezhinstitucional'nom vzaimodejstvii v sisteme organizacii nauki v Rossii serediny XIX – nachala XX vv. [On the question of interinstitutional interaction in the system of organization of science in Russia in the mid-XIX-early XX centuries]. *Privolzhskij nauchnyj vestnik*. № 3-2 (43). Pp. 30-33. [in Russian]
- S.G., 1896 – S.G. (1896). Proekt zakona o doprose obvinyaemogo [Draft law on interrogation of the accused]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 5. Pp. 290-294. [in Russian]
- Shcheglovitov, 1901 – Shcheglovitov I. (1901). Bel'gijskij zakonoproekt o sostyazatel'nosti na predvaritel'nom sledstvii [The Belgian draft law on competition in pre-trial proceedings]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 7. Pp. 271-278. [in Russian]
- Shiryayev, 1901 – Shiryayev V.N. (1901) Ugolovnoe zakonodatel'stvo Yaponii [The criminal law of Japan]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 3. Pp. 60-100. [in Russian]
- Usmanova, Gil'mutdinov, 2009 – Usmanova D.M., Gil'mutdinov D.V. (2009). Yuridicheskaya periodicheskaya pechat' v dorevolucionnoj Rossii (vtoraya polo-vina XIX – nachalo XX vv.) [Legal periodicals in pre- revolutionary Russia (second half of the XIX – early XX centuries.)]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. Vol. 151, № 5-2. Pp. 184-190. [in Russian]
- Yanzhul, 2006 – Yanzhul I.I. (2006). Vospominaniya o perezhitom i vidennom v 1864–1909 gg. [Memories about the experience and the seen in 1864–1909]. M. 459 p. [in Russian].
- Zagorovskij, 1898 – Zagorovskij A.I. (1898). O nezakonnozhdenykh po inostrannym grazhdanskim kodeksam i po russkomu grazhdanskomu pravu [About illegitimate children under foreign civil codes and Russian civil law]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 5. Pp. 40-45. [in Russian]
- Zakon 19 iyunya, 1902 – Zakon 19 iyunya 1901 g. ob avtorskom prave na muzykal'nye i literaturnye proizvedeniya [Law of June 19, 1901 on copyright in musical and literary works] (1902).]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 3. Pp. 311-323. [in Russian]

Zmirlov, 1895 – Zmirlov C.P. (1895). Pervye chetyre knigi *Code de Procedure Civile* po proektu 1894 g. [The first four books of the *Code de Procedure Civile* project 18]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. № 7. Pp. 52-96. [in Russian]

Репрезентация иностранного права и законодательства на страницах «Журнала Министерства юстиции» в 1894–1904 гг.

Инесса Геннадьевна Адоньева ^{a, *}

^a Новосибирский государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье характеризуются особенности репрезентации иностранного права и законодательства на материалах «Журнала Министерства юстиции» рубежа XIX–XX вв. Причиной обращения отечественных специалистов к иностранной юстиции стали пересмотр Судебных уставов Александра II, активная внешняя политика Российской империи, взаимодействие российских юристов с иностранными коллегами и общность стоявших перед ними проблем. Большинство авторов служили по линии Министерства юстиции, а также занимались научной и преподавательской деятельностью. Профессиональное образование, выстроенное в логике европейского понятийно-категориального аппарата, делало западные реалии понятными для восприятия русскими специалистами. Поколение правоведов, активно публиковавшихся в ведомственном журнале, разделяло идеи социологической школы, которая исходила из глубокой взаимосвязи права и всех остальных сфер жизни общества. Также влияние на их мировоззрение оказала массовая кодификация европейского законодательства. Выявлено, что наиболее частое обращение российских юристов к французскому законодательству было вызвано похожими позициями, заложенными Судебными уставами 1864 г., а к немецкому – серьезными экономическими связями между Россией и Германией. Специфика системы юстиции Англии оставляла мало возможностей для заимствования в данной сфере, однако за ней сохранялась почетная роль основательницы современных правовых институтов. Правовые реалии Востока отечественные юристы описывали с позиций ориентализма: для Японии цивилизующую роль играли Франция и Англия, а для Китая – Россия, которая позиционировалась как европейское государство. Право воспринималось как инструмент, позволяющий направить общество на путь прогресса. При этом русские юристы соглашались с европейскими коллегами в необходимости делать законодательство максимально понятным для населения.

Ключевые слова: ведомственная периодика, иностранное законодательство, юристы, чиновники, профессура, репрезентация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: adoinessa@yandex.ru (И.Г. Адоньева)